

34 (2. В. - Р.) 6

В 19

А. ВАСИЛЬЕВ

**РАННИЙ
МИР**

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1977

84(2Рос = Рус)Б.

В19

А. ВАСИЛЬЕВ

РАННИЙ
МИР

Стихотворения
и поэмы

214

ЭК-

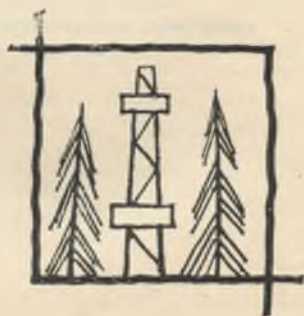
86225/1 ✓

Муниципальное учреждение
культуры
Централизованная библиотечная
система г. Тюмени
Ул. Душарского, 51

Анатолий Васильев —
тюменский поэт, автор не-
скольких сборников,
изданных в Омске,
Новосибирске, Свердловске.
Стихи и поэмы, составившие
новую книгу, — раздумья
о родном крае, о сложном
мире человеческих отношений.
Главы из поэмы
«Огненные колокола» знако-
мят нас с грозовой
атмосферой предреволюцион-
ной, революционной
поры и гражданской войны.

В 70402—062
М158(03)—77

© Средне-Уральское
книжное издательство
1977

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песня о ночных шагах

Над кварталами звезд как из короба.
Небеса в тишине строги.
В электрических сумерках города
Одиноки мои шаги.
Мы вольны от беды занавеситься.
И от боли уйти

вольны.

Только я, как пропавшие без вести,
Все иду из большой войны.
Все путями-дорогами длинными.
И вернусь ли к кому

когда?!

Пролетят журавлиными крыльями
Над моей головой года.
Где-то будет последняя станция,
За которой уже ни зги.
Но в ночных переулках останутся
Как надежда мои шаги...
Отгоревшие окна умерли.
Ночь не ночь —

затаенный вдох.

Города в электрических сумерках
Одиноки как души вдов.

Всё те же споры в свете ламповом.
Поэмы.

    Формулы.

        Мазки.

Друзья отчаянно талантливы.

Хоть отойди да шапку скинь.

Их соль и суть —

        упрек насмешливый

Мастеровым и мастерам.

Их тесто так давно замешано —

Пора бы быть и пирогам.

А вот увы.

Смолкаешь замкнуто.

И локти вдавливаешь в стол.

Уж возраст за полдень.

        А сам-то ты

Как далеко от них ушел?

Кого учить?!

        Сплошная грамотность.

Любой на выкладки горазд.

И всё сомнительнее крайности.

И всё прищуреннее глаз.

Осень

Сплошной пожар.
Оранжевое буйство.
По всей Руси
Глаза смежай и узы!
И, не успев
Одеться и обуться,
Глядеть на диво
Выбежала Русь.
А день высок
Над огненным
Обвалом.
И, пламенем
Берез
Оттенены,
К захлестнутым стихией
Перевалам
Восходят
Сосен
Черные дымы.
Пластает лес.
Я с ним
Ни в чем
Не разнюсь.
И мне,
Презрев навеки
Хлябь и твердь,
Бежать в его помешанность и ясность,
Чтоб вместе с ним,
Сгорая,
          умереть.
А там —
Кочуй,
          душа,
В мирах зазвездья!

А там —
Вершись,
Веществ круговорот!
Придет любовь.
Гляди —
        придет известность.
А случай, как сегодня,—
                        не придет.

Сплошной пожар.
Оранжевое буйство.
По всей Руси
Глаза смежай и узь!
И, не успев
Одеться и обуться,
Глядеть на диво
Выбежала Русь.

Блок. 1917

Плыла в тумане Петропавловка.
Опять болела голова.
Страна раскачивалась
как палуба.

Он узнавал ее едва.
Но там —

за драками и драчками,
За кутерьмой большой воды —
Уже отчетливо маячили
Надстройки

Утренней Звезды.

Там, впереди,—

затворы клацали.

Мело студено

впереди...

Он слышал дальний шаг

двенадцати

И на него

переходил,

Мы растем быстрее,
чем города,
Где прошли мальчишеские годы.
Оттого-то, может быть,

здесь
Будто не приходим мы,
а сходим.

И за это сразу платим штраф:
Как-никак,
а под ногами

почва.
И не знаешь,
пойман ли журавль,
Но синица выпущена
точно.

Не узнать любимого лица.
Не найти заветного порога.
Далеко-далёко
за леса

Вынесло стрелу твою,
дорога.

А не за горами время жатв.
Многого не надо нам для счастья.
Было бы откуда уезжать
И куда с годами возвращаться.

Я на донышке капли увидел тебя.
Ты осталась в далеком затерянном дне.
Но забыла дождинку гроза на окне,
Я на донышке капли увидел тебя.
За спиной все померкло-угасло,
уйдя.

В легком сердце
ни смуты
и ни маеты...
Значит, только и было в судьбе моей —
ты.
Я на донышке капли увидел тебя.

* * *

Мы еще вернемся в Ветряки.
И дожди на нас обрушит осень.
И по мокрым травам
Между сосен
Мы пойдем с тобою вдоль реки.

И у старой мельницы,
Где плес
Тишиною издревле сзывал их,
Будем слушать пение русалок
В обомшелом шлепанье колес...

- 8622971

• • •

Стелет черные простыни
По затонам
                                вода.

Ты — дорогой,
                                я — осторонь

Через дни и года.
Видно, счастья не выдумать,
Видно, так и пойдет...

Ты всегда
                                впереди меня

На один
                                перелет.

• • •

Свет без тени.

Рощи —

мачтами.

Одинокий вскрик

квеста.

Мы становимся прозрачными,

Как осенние леса.

Что утрачено —

утрачено.

А что найдено —

с собой.

Мы становимся прозрачными,

Так что холодно порой.

А у жизни отсрочек нет.
Час придет —
и бабки подбей.

Только я
через столько лет
Все еще на пути к тебе.

Водит дни журавлиный конвой.
Реки гонят в моря
шугу.

Так и ткнусь в кювет головой
Где-нибудь на последнем шагу.

Ткнусь,
не смяв тишины рядом
В придорожной полынь-траве,
На земле оставив одно —
Завещанье
идти
к тебе,

И какой же я вежливый —
И словцом
                  не колыну.
Очень уж не по-здешнему
Август щедр на луну.
Уплывают
                  глаза твои
В полусон
                  небылиц.
Я влюблюсь
                  обязательно.
Ты, смотри,
                  не влюбись.
Не придумай,
                  что будто бы
Ты одна
                  по Руси.
Я немислимый путаник.
Бог тебя
                  упаси.
Просто вспомнилась женщина.
Дальний свет.
Вот и льну.
Очень уж не по-здешнему
Август щедр на луну.

Все в мире сегодня привычно.
Два слова в дверях
невпопад —
И утренней
электричке,
Пожалуй,
я даже рад.
Не надо ни клясться,
ни верить.
Один поворот колеса —
И в сутолочной
круговерти
Ни голоса,
ни лица..
Мгновенье вернуть —
и взглядеться!
Река —
продолженье ручья.
Но очень похожа
на бегство
Вокзальная спешка моя.

Осенняя арфа

Хорошо —
а как будто обидели.
Жестче возраст,
а время добрей.
Растревожил,
Сразил
удивительный
Этот солнечный дождь в сентябре.
Только песни далекие—
чьи они?!

Но, тебя и себя щадя,
Я играю
что-то счастливое
На недолгих струнах дождя.

Тишина за увалом
Оглушенно-чутка.
Слышен в воздухе талом
Шелест крыльев чирка.

Уходи — и напрасно
Ни о чем не проси.
В этих сумерках красных
Только я и красив...

• • •

Мне четыреста лет —
пока!
И считаем вопрос решенным.
А за веками
спят
века
Позабыто
и отрешенно.
Все как есть в тебе молодое.
Ни единой сединки в судьбе
И, не зная, как быть
с тобою,
Я тебя возвращаю
тебе.

Стихи из кинозала

Мне этого больше не вынести!
Воздетые куклы

рук.

В монументальной картинности
Навис над столом

хирург.

И вот уже слава —

около.

Цветы победившим рукам.
Позирующего

доктора

Улыбка

во весь экран...

Да нет же!

В свою бессонную

Работу только включись —

До поля

операционного

Сужается жизнь.

По-над кварталами
Синяя марть.
Тихо.
Оттаянно.
В городе март.
В городе тихий рассеянный свет.
У настроения
Имени нет.
Путь наугад.
И слова невпопад.
Вечные аисты
Где-то летят.
Где-то в рассеянном свете возник
Их наплывающий медленно крик.
Мой аистенок,
Валясь на корму,
Тянет спросонок
Ручонки к нему.
Тянет ручонки,
Светя из-под век,
Дерева жизни
Зеленый побег...
Путь наугад.
И слова невпопад.
Белые аисты где-то летят.

Тюменские этюды

***

Жизнь,
Меня не води под локоть,—
Надо честной быть
на года.

Широко,
Далёко-далёко —
Разливанная вода,
вода.

Чертополье.
Шаманский танец.
Ходит истина здесь
нагой.

На сухих пяточках
не встанешь,
И одной не встанешь
ногой.

А попробуй рискни некстати —
Не отыщет никто
следа...

Что за люди,
которые встали
Здесь
обеими —
и навсегда?!

***

Говорим о работе
вскользь.
Лишним словом не тронем.
Пассажирский
Тюмень — Тобольск
Отошел от перрона.
Встречный ветер упруго вит.

Слаб —

отстань и останься.

Делать дело торопит

вид

Обживаемых

станций.

Нотный стан —

из стальных полос.

Шпалы —

азбукой нотной.

Будто музыка

для колес,

Для разлук

и работы.

Так и следует рельсы класть

Через топи округи!

Это тех,

кто прошел до нас,

Настроенье

и руки.

Пядь за пядью —

за падью падь.

Метод прост и отлажен,

Нам прокладывать-пробивать

Эту музыку

дальше.

Лет не очень велик запас.

Жизнь разумней используй...

Север

вглядывается

в нас

Куполами

Тобольска.

Жизнь закружит —
и не встречу,
Разойдусь в пути
с тобой.
Ты приснись мне,
Междуреченск,
Солнцем,
Лесом
И водой.
Сотвори счастливый праздник!
Разнеси
для новизны
Откровенный запах краски
И распиленной
сосны.
И пока
на перекатах
Навигация,
сезон,—
Дымный след потянет катер
Над рекой
за горизонт.
И его гудкам над плесом
Отзовется вновь она
Оселками сенокоса
Луговая сторона.

* * *

На берегах Инк-ван-Югана,
Полгода горько веселясь,
Из-за тебя рвались баяны,
Связь телефонная рвалась.
Тайга—
        кому какое дело?!
Законы —
        в рае шалаша...
Ты собралась —
        и улетела.
А показалось —
        в лес ушла.
Что над тобой сомкнулись кроны,
А за тобою —
        иван-чай.
Случайно
        ночь
        звезду уронит,
Всплеснет волною
        невзначай.
Луны серебряные трубы
Взойдут над лесом...
        До сих пор
Всё ждут чего-то лесорубы,
И не вступают в разговор...

Тюмень

Обложили Тюмень болота.

Обступили Тюмень леса.

Постоянно

в ее широтах

Непогодные небеса.

Перекрыты пути-дороги.

Соизмерь.

Рассчитай.

И взвесь.

Если черти ломают ноги,

То, наверное, только здесь.

Отступи и не пробуй силы.

Горизонт не проступит,

стерт.

Теплоходу

причал опостылел,

Самолету —

аэропорт.

Обложили Тюмень болота.

Обступили Тюмень леса.

Постоянно

в ее широтах

Непогодные

небеса.

А под нею —

не слышно разве?! —

А под нею

ревет-гудит

Голубая

стихия

газа,

Нефти

черный котел

кипит.

Ни замены им, ни отмены.

Пребывают всегда

в цене.

И ни шагу без них

Тюмени.

И ни шагу без них

стране.

...Не сошлешься на то и то-то.

И не скажешь,

что не могу.

Простилает Тюмень болота.

Прорубает Тюмень тайгу.

Носят грузы

вода и воздух

Вопреки

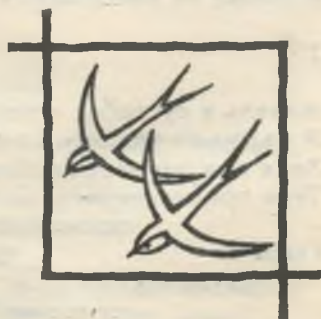
и наперекор...

Государственных планов

поступь.

Государственный

разговор!

Снежная повесть

1

Вот так-то вот —

неважные дела.

Весь белый свет метель перемела.

И что за бес вчера меня попутал —

К тебе ли отправляться

на попутных?!

Ни колеса.

Ни полоза.

И мгла.

Сошли от ветра кустики в изложины.

А мне — на ветер.

Вне — наоборот.

Тебе о том и мысли не придет,

Где я сейчас плутаю,

обмороженный.

Меня самолеты на бегу,

За три часа две тысячи-то верных

Неблизких километров я отмерил.

А сорока —

за сутки не могу,

Былинка на негнущемся снегу.

2

Метель в сугробах спит в изнеможенье.

Я не сумел увидеть в ней знаменья,

Хотя она знамением была.

Твои признанья —

крошки со стола.

Глаза

студеней,

сумрачной колодца.

Мне ничего на жизнь не остается.

Уходят даль и высь из-под крыла.

Я опоздал.
И все, пожалуй, правильно.
Натянутая ниточка
слаба.

Чужие,
незнакомые слова.
Чужим дыханьем
комната
отравлена...

На тысячах гектаров —
снежный день:
Далеких звезд дневное отраженье.
На ум в потустороннем отрешенье
Различная приходит
дребедень.

Я говорю:
— Ну как твои больные?
Шумны говоруны,
Тихи молчальники?
Круты ли нравом сельские начальники?
Прошу, чтоб снег и ветер отменили.
А сам не знаю, чем же жить отныне...
Тяну в чащобы узкий след лыжни.
А надо мной восходят в небо
древне

Спокойными вершинами
деревья.

Они сейчас мне только и нужны,
Высокие
псков
тишины.

3

Ненужный разговор.
И время позднее.
И не спросить, куда и кем ты позвана.
В твоих ушах —
твои тетерева.

Мои второстепенные слова —
Февральский снег
на вымерзшие озими.

И нечего мне делать в этом доме,
Где я перед бедой —
как на ладони.

Готов краснеть от собственного лепета.
Из сказок

улетают

гуси-лебеди

И косяком

идут

на водоемы...

Я думал:

при тебе не надо помнить,

Что душ людских

глубок и темен

омут.

Мети, метель.

Звени во все бубенчики.

В конечном счете счастье неизменчиво:

Оно то не догонит,

то обгонит.

Мети, метель.

Знамений и примет

Не принимало сердце —

и не примет.

Но Дед Мороз—

он в скоморошьем гриме,

Но в снежной кутерьме

просвета

нет.

Так у меня сегодня руки ломит

По нашим нерожденным и ненянченным,

По нашим детям —

девочке и мальчишке...

Мне возвращаться долго —

этих комнат

Уже ни смех

Ни плач их

не наполнят.

4

Я — дальний путник у твоих ворот.

И год пройдет,

И десять лет пройдет,

А мне тебя,

оглядываясь,

слышать

Под каждым небом

И под каждой крышей
Оставшиеся годы напролет.
Прости-прощай.
Ни имени, ни отчества.
Морозных окон лунная парча.
И моего касается плеча
Холодную ладонью

одинокчество.

Уходит ночь по Млечному Пути.
Восток

светло

приподнят над лесами.

Встающий день

коня впрягает в сани.

Прости-прощай.

Но более —

прости,

Что ничего

не удалось

спасти.

5

Всему на белом свете свой черед.
Как бы хлеб-соль пришельцу предлагая,
Нет-нет на пень со снежным караваем
С пихты

солонкой

шишка упадет.

И старый кедр с нашивками сверхсрочника

У просеки

возьмет

под козырек.

Здесь долгий путь любви моей

пролег.

И вахта у него

еще не кончена.

Он помнит лица,

Помнит имена.

Подробностей — не помнит.

И не надо!

Друг друга понимаем с полувзгляда.

Лежит в снегах лесная сторона.

В душе
ни сожаленья,
ни упрека.
Нет у любви
ни бога,
ни пророка.
И, значит, юность все-таки права.
Сама собой права как такова.
Она — страна,
где пристани —
без росстаней,

Где лунным светом залито окно.
Вот только вечной быть ей не дано,
Но и за это ей должно быть воздано.
Ты говоришь мне прежние слова,
Которые просты как дважды два.
Но я навек у этих слов во власти.
И никакие годы и напасти
Так и не могут снять их колдовства...

Сейчас дойду до этого пригорка —
И из зимы далеких лет услышится,
Как незавидной доли
горнолыжница
В моих руках хохочет от восторга.
А было страшно,
что ни говори.
Дрожат в ресницах капельки испуга.
На бурых конопляниках в округе
Цветут с веселым криком
снегири.

6

За мною юность —
лунными обозами.
Позванивают розвальни полозьями.
Ты от меня за тысячи застав
Ушла,
вспоминаньями не став,
А став морозной роздымью
под звездами.
Нас кружит круг,
один из многих вечных.
И ни на что ни строчкой не посетовать

Но по тебе,
                  не знающая этого,
Я сравниваю
                  встреченных
  и встречных.

И за гаданье рук не золочу.

Живая жизнь
                  не присказка,
  не сказка.

Я так хожу,
                  как будто бы коляску
Перед собой по улице качу.
Нелепо жить забытыми обидами.
Ты в памяти — невестою на выданье.
В каком краю

                  живут мои послы,
Мои несостоявшиеся сваты?!
Собрать на кофе —
                  и к тебе послать их!

Накрытые
                  нетронуты
  столы...

Ему —
по мне —

ззорно жить зудя.

Не с крыши начинают строить зданье.
Уж эти надоевшие страданья
Замешкавшихся в поисках себя!
У счастья слишком много едоков.
Не очень разживешься на готовом.
Давно

жар-птиц

закончился отлов.

Давным-давно

пособраны

подковы.

С чего сыр-бор?!
А впрочем —

ерунда.

У вас глаза —

как восемьдесят восемь.

Но все-таки,

когда приходит осень,

Должны же быть слышнее

поезда!

По-из-за окоема

окаянно

Должны же дуть ночные холода!

Как пристани оставив города,

Река уносит воды

к океану.

И отвлекало,

да не отвлекло.

Не потерялся след ее в урманах.

И для меня сейчас

ее туманов

Целебнее парного

молоко.

Я умереть заставил бы слова,

Чтоб хоть однажды

неким из бывалых

Загоризонтных далей

синева

В глаза светло и молодо

упала.

Простите,

но у вас не взгляд, а вздох,

Товарищ
                    капитан.
Мужик что надо.
                            Лоций
И в руки не берет.
И сам
                    перевернется,
И нас
                    перевернет.
Его характер шальный
Немногим
                    по нутру.
Дойдут дела,
                    пожалуй,
До бунта
                    на борту.
Дойдут —
                    и очень просто:
Волнуется
                    народ.
Какого
                    пароходства
Веселый
                    теплоход?!
За чемоданы —
                    эти,
За валерьянку —
                    те.
На необычной
                    третьи
Какой-то
                    высоте.
Мы вышли в понедельник.
И вот
                    до четверга
Нам море
                    по колено
И жизнь
                    не дорога.
За кои это веки
Увидеть суждено,
Когда
                    у человека
Лицо
                    обнажено?!

ОГНЕННЫЕ КОЛОКОЛА

Поэма о революции

ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ

Я буду бурей.

Скалы

скулами

Уткнутся грузно в шар земной.

Моря с китами и акулами

На берег выбросятся свой.

И разобьются в брызги синие.

А из придонной темноты

Под солнце

гордыми вершинами

Взметнутся горные хребты.

Карой Лигети

Вольный перевод с венгерского

«...Лигети — венгерский революционер-коммунист; в 1917 году стал членом Омской большевистской организации... в боях против белочехов командовал красногвардейским отрядом...»

Из материалов Омского облгосархива

Дневниковые записи, стихи Кароя Лигети — в основе этой поэмы о революции.

Пролог

«Я — борьба неблагословенная, я — борьба, не имеющая знамени. Но дрожат дома богачей и поет мир оборванцев, если над ними витает душа моя...»

Ветер гонит поземку по голым булыжникам.
Фонарями расшатана стылая тьма.

К очагам человеческим подступы ближние
Занимает в беззвездную полночь зима.

Город утром проснется —

и сложит оружие.

И условий не выторгует наперед.

Через сутки-другие предательским кружевом

Иней в нищих квартирах простенки пробьет.

Разошлась-расходилась метель —

и не сдерживай!

Старой ведьмы в ворота колотит клюка.

Так старается ночь, чтобы в душах

отверженных

Не осталось для радости ни уголка!

Город просит пощады.

Столетними башнями

Город в мутное небо безмолвно воздет.

Сколько к горю сегодняшнему и вчерашнему

С этой ночью прибавится завтрашних бед?!
Не понять, не услышать всевышнему —

где уж там!

И молитвами вымолить счастье —

не тщись.

Вот и этим,

на улицах зябнущим,

девушкам

Зарабатывать станет труднее на жизнь...

Ветер гонит поземку по голым булыжникам.

Фонарями расшатана стылая тьма.

К очагам человеческим подступы ближние

Занимает в беззвездную полночь зима.

И готов задохнуться от ярости

Лигети.

В зыбком свете не щеки —

а два желвака.

Оттуда,
    где небеса.
И красным туманом застлало
Расширившиеся
    глаза.
Куда-то
Беззвучно и круто
Земля
    пошла
        кувырком.
Над смолкшею бранью орудий
Вдруг зазвенел
        камертон.
С бортов планеты сползая,
Разламывался
        Будапешт,
Овихренный вспугнутой стаей
Валюты,
Ворон
И депеш.
Одною рукой
        за корону,
Другую —
        за параллель
Цеплялся
        хозяин
                трона,
Нации
    и земель...
В ушах неотвязно и тонко
Звенел и звенел
        камертон.
Земли
    гранитные
        тонны
Куда-то
    шли
        кувырком.
То вдруг
Из атаки отбитой,
Ознобом
    обдав
        ледяным,
Подкованные
    копыта

Опять
    возносились
        над ним.
По зарослям пыльной полыни,
Поднявшейся выше колен,
Носилки качались и плыли
С поручиком Лигети в плен.

Плен

То солнце багровое выкатит.
То месяц к звездам пристынет.
Под стражей
    поручика Лигети
Везет на телеге Россия.
По ярам над древними реками,
По трактам — степями большими.
А рядом —
    дремучая непроглядь
Сермяжного нижнего чина.
Конвойные?
Пленные?
    Лицами
Серей невозможно слиться.
Разлады
    между столицами,
А пыль над солдатом клубится.

На тракт
Босиком и без пояса
Выходят молчать деревеньки.
Презренье брезгливо покоится
На веках полковника Дьенге.

Полковник Дьенге

— Поручик!
Мы, кажется, преданы.
Чем дальше, тем это яснее.
Приносятся в жертву передние,
Чтоб задним жилось веселее.
Но нам не ходить
    в затолканных:
Научены жизнью в досталь.
Пусть солнце светило только бы,

А место под ним —
найдется...

Дослушивать —
дело лишнее.

Забудься —
и родина встанет

На каждом углу
униженно

Просящею
подаянье.

Как рекрута память не вышколишь.
И каждое утро,

сутулый,
К отцовской кузнице Кишкёрёш
Потянется с хламом кастрюльным.

За жизнь свою долгую-долгую
Он помнит себя,
бездомный,

Под плетью,
Под мором
и только вот

Под солнцем себя не помнит.

Ему ли веселья столичные,
Столичные притязанья?!
Лежит

такая же нищая
Империя

перед глазами.

Как будто столба
пограничного

Еще и не миновали.

Стекают былинки пшеничные
С ладоней солдат на привалах.

И родина —
не примерещена.

Все чаще
За каждым кордоном,
Она представляется

женщиной,
Живущей в пустующем доме.

То створка ли стукнула,
Дверка ли?!
Ах нет —

у соседей напротив.

Ночами в зияющем зеркале
Сынов ее призраки бродят...

То солнце багровое выкатит.
То месяц к звездам пристынет.
Под стражей
    поручика Лигети
Везет на телеге Россия.
По ярам над древними реками.
По трактам — степями большими.
А рядом —
    дремучая непроглядь
Сермяжного нижнего чина.
Конвойные?
Пленные?
    Лицами
Серей невозможно слиться...
А может, не теми границами
Прошли по планете
    границы?!

Стена

Она как идол.
И не докричаться.
Столетиями вражды возведена,
Она на вид нема и беспричастна,
Безликих лиц китайская стена.
Но опрокинь барьеры и заставы —
Увидишь в гулкой тишине предбитв,
Как ненависти сдавленная лава
В вулканах душ клокочет и бурлит.
И перед ней замрешь оторопело.
Как жестко сжат окаменевший рот!
Еще толчок —
    и долгое терпенье
Прорвавшеюся яростью рванет!
И камня не останется на камне.
Такого накопилось у людей!
Но не затем взрываются вулканы,
Чтобы творить трагедии Помпей.
Куда он,
    твой гонец свободы,
    услан?!
Какой дорогой?!

Встань и покажись!
И пусть для этой лавы станет руслом
Твоя к прозренью вышедшая жизнь.
Земля живет предчувствием раскола.
И как перед атакой замерла.
Мятежный дух срывается с прикола.
И огненные
        бьют
                колокола.

Часть вторая

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

«Ах, вон отсюда, в грозовую опасность, в шторм, в другой край, в среду других народов, где произвол не связал разума и горячие пламена разжигают бурю...
...Не томите себя ожиданьем на этой кровавой земле.
Пусть зажигается горечь столетий! Пусть гибнет вместе с господами древнее венгерское болото!
...Вперед, на восточные баррикады! В восточных городах окунем свои мечи в гнусную господскую кровь!..»

Первый монолог Кароя Лигети

Из плена вышел я в плену.
Я разобрался в этом громе,
С которым
Через всю страну
Катилась царская корона.
То недосол.
То пересол.
Как прежде, правда вне закона.
Мой путь единственный привел
Меня под красные знамена.
Сдалась китайская стена —
Иной истории страницы.
И проступали имена,
И обозначивались лица.
Бьет в берега весны
                        река.
Такое небо голубое!
А жизнь,
                        завещанная бою,
Пожалуй, будет коротка,

Мало этого вызова?!
Вздروгнули,
Смолкли все голоса.
И раздвинула обе стороны
Пограничная полоса.
Пролегла по планете,
резкая...

Над Россией,
Над каждой судьбой —
Сотрясающий выстрел крейсера,
Вызывающего на бой.

Поднимается
новая Венгрия.

И уже за Лигети

он
Обозначивается
шеренгами,

Красной гвардии
батальон.

Сложит голову —
но не отступится

Он от кровного
своего.

Принимает его
Революция

И рассчитывает
на него.

Часть третья

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАЧАЛА

«Там мне быть, где сражаются наши войска, идущие из темноты и несущие ценности миру... Никогда не ждал свободы, равенства, братства от убийц миллионов, ибо от угнетателей нельзя ждать ничего иного, кроме угнетения...

...Черные бароны Венгрии! Из снежных пустынь Сибири шлем вам громовые слова ненависти и проклятья!..»

Крик Земли

В зал исполкома идут и идут,
Лично ответственные будто бы.
Брошен в махорочный гуд
«Ундервуд»

Сложный клубок распутывать.
Войны никак не допишут строки.
Войны не смотрят под ноги.
Волости,
Страны,
Материки
Ими на воздух подняты.
Вот и все пасмурней хмурится день.
Хмурится день по-недоброму.
Руки отобраны у деревень.
У городов

отобраны.

Скорбно молчание вдов и сирот.
Выстыли трубы над крышами.
В мир

из-под черных платков
недород

Смотрит пустыми нишами.
— Мира! — Земля исступленно кричит
Каждой своею клеточкой.

Городу тяжело.
На сердце горчит.
Боль его —

боль человечества.

Сам он
заваливается
на корму,

Голыми
дрогнув
мачтами.

Голода черствую корку
ему

Сколько еще
размачивать?!

В зал исполкома идут и идут.
— Где бы тут место выгадать?!
В гуде махорочном
«Ундервуд»

Не успевает за Лигети.

Лигети

— Войны никак не допишут строки.
Войны не смотрят под ноги.

Где благодарный красный Будапешт
Цветами и объятьями нас встретит...

Спокойная ночь у костра
до трех.

А после трех
ночи

На берег выносит река
юнкеров,

И белочехов,
И прочих.

Внезапный наскок их упруг и ретив.
И не таких, мол, громили!

Наперекос
оружие рты.

Наперевес
карабины.

Сровняют с землей,
не оставив следа.

Что значит
орешек
для глыбы?!

Но этот народ
уже никогда
С границ Октября
не выбить.

И берег
берет
врага
в оборот,

В песок
зарывает
носом...

Пришедший на помощь врагу
пароход

Громоздко
навис
над плесом.

На палубе щурятся —
с бала на бал.

Без недомолвок,
тут же,

На берег пошел
за обвалом
обвал

Шестидюймовых
пушек.

Безмолвие.

Сумерки.

Ни души,

Где сила

схлестнулась

с силой.

Остатки отряда отсюда ушли

Легендою в подвиг России.

Легенда

О ней —

застучавшие ставни,

И слухи,

И воронье.

И, кажется, воздухом стала

Летучая слава ее.

То лесом,

То степью,

То полем —

Стремительной тенью крыла.

По селам плывут с колоколен

Безбожные колокола.

Над сходкою,

сдвинувшей брови,—

Агитационный

талант.

Легенда во плоти и крови

Мутит мужиков по тылам.

Слова раскаленные —

с лёта.

В порыве —

клинок наголо.

Трубач шелохнется —

и в седла,

Стремян не коснувшись,

село.

И вместе с легендой растает,

Оставив в суслонах хлеба,

У пыльных околиц

оставив

Незрячие статуи баб.

Дозорными их ожиданий
Мальчишки не слезят с трубы —
Но только за дальней деляной
Костров
                    голубые
                                    столбы.

Легенда.

Легенда.

Легенда.

Под седлами взмокла кошма.

Опять,

Наведенная кем-то,

Погоня по следу пошла.

И собственный след потеряла.

Сомкнулись листва и трава...

На месяцы

                    опережала

Легенду людская молва.

И ей —

                    ни преград, ни пределов.

И, дни взбаламутив до дна,

Стремительной тенью летела

По странам планеты

                    она.

От сел к городам —

                                    перекатом.

И бредила далью другой,

Бунтующие

                    баррикады

Оставив в пути за собой.

Подмяв под себя пьедесталы,

Разламывался Будапешт,

Овихренный вспугнутой стаей

Валюты,

Ворон

И депеш.

Свое утверждая начало

Над сильными мира сего,

Один за другим занимала

Легенда кварталы его.

Над паникою

                    угорелой,

С утра осадившей вокзал,

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

«Некогда дань платить мелочам...» . . .	6
Песня о ночных шагах	7
«Всё те же споры в свете ламповом...»	8
«Синие тени легли на сугробы...» . . .	9
«Дощатый мост...»	10
Осень	11
Блок. 1917	13
«Мы растем быстрее, чем города...» . . .	14
«Выдумывал, строил, куражился...» . . .	15
«Я на донышке капли увидел тебя...» . . .	16
«Мы еще вернемся в Ветряки...» . . .	17
«Стелет черные простыни...»	18
«Свет без тени...»	19
«А у жизни отсрочек нет...»	20
«И какой же я вежливый...»	21
«Все в мире сегодня привычно...»	22
Осенняя арфа	23
«Все это было, было, боже...»	24
«Тишина за увалом...»	25
«Мне четыреста лет...»	26
«Тяжелей и ровней поплыла...»	27
«Умерла моя мама...»	28
«Закат себя сожжет вот-вот...»	29
«Наших душ господь не покарал...»	30
Стихи из кинозала	31
«По-над кварталами...»	32

Тюменские этюды

«Жизнь, меня не води под локоть...»	33
«Говорим о работе вскользь...»	33
Урай	35
«Жизнь закружит — и не встречусь...»	36
«Разъята хлябь пропашая...»	37
«На берегах Инк-ван-Югана...»	38
Письмо сыну	39
Тюмень	41

Поэмы

Снежная повесть	44
Река	50
Огненные колокола	57

Васильев А. И.
В19 Ранний мир. Свердловск, Средне-Ураль-
ское кн. изд-во, 1977.

80 с. с портр.

Новая книга стихов тюменского поэта.

В 70402—062
М158[03]—77

Р2

ИБ № 229

Анатолий Иванович
Васильев

Ранний мир

Редактор Н. Г. Кузин
Художник Л. М. Григорьев
Художественный редактор
Г. И. Кетов

Технический редактор
Л. М. Голобокова
Корректоры Л. А. Гупало,
Е. В. Иванова

Сдано в набор 25/II 1977 г. Подписано
в печать 26/V 1977 г. НС 12556. Бумага
тип. № 1. Формат 70×90₃₂. Уч.-изд. л. 3,0.
Усл. печ. л. 2,9. Тираж 7500. Заказ 161.
Цена 35 коп.

Средне-Уральское книжное издательство,
Свердловск, Малышева, 24. Типография
изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск,
пр. Ленина, 49. Обложка отпечатана в объ-
единении «Полиграфист», Свердловск, Тур-
генева, 20.

НОВАЯ ЦЕНА

5

руб

коп.

35 коп.

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1977